

Всероссийская олимпиада школьников по литературе**Муниципальный этап****9 класс**

Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста.

Предисловие

Автобиография — это книга, которую пишут, чтобы рассказать о собственной жизни, и в ней, как правило, полно всяких скучных деталей и подробностей.

Эта книга — никакая не автобиография. Я никогда не взялся бы писать историю собственной жизни. С другой стороны, в юном возрасте, то есть в школе и сразу после нее, со мной случалось немало такого, про что я никогда не забуду.

Вообще-то, ничего важного, но каждое из этих происшествий оставило на мне такой сильный отпечаток, что мне так и не удалось избавиться от них. Все они, хотя минуло вот уже пятьдесят, а то и шестьдесят лет, до сих пор у меня в памяти.

Так что нет нужды силиться их вспомнить. Надо только перенести их с поверхности сознания на бумагу.

Некоторые воспоминания — забавны. Другие — болезненны. Третьи — неприятны. Может, потому я помню их так живо. И все — правда

Р.Д.

Роальд Даль*

Едем в Норвегию

Летние каникулы! Какие волшебные слова! От одного их произнесения меня, как правило, пробирает радостная дрожь.

Все мои летние месяцы, начиная с четырех лет и до семнадцати, то есть с 1920 по 1932 годы, помнятся мне одной сплошной идиллией. Это, наверное, потому, что мы всегда отправлялись на лето в одно и то же место, и местом этим была Норвегия.

За исключением моих сводных сестры и брата, все прочие из нас были чистейшими норвежцами по крови. Все мы разговаривали по-норвежски, и вся наша родня обитала в Норвегии. Так что в каком-то смысле ежегодное летнее путешествие в Норвегию походило на поездку на родину.

---

* Роальд Даль – известный английский писатель норвежского происхождения. Он автор романов, сказок, новелл. Он поэт и сценарист. В 2003 году в список «200 лучших книг по версии ВВС» были включены целых 9 книг Роальда Даля: «Джеймс и Чудо-Персик», «Чарли и шоколадная фабрика», «Изумительный мистер Лис», «Дэнни — чемпион мира», «Семейство Твит», «Лечение Джорджа Марвелуса», «БДВ, или Большой и Добрый Великан», «Ведьмы», «Матильда». Многие произведения Роальда Даля экранизированы.

Для целостного анализа прозаического текста предложены два фрагмента из автобиографического сборника рассказов Роальда Даля «Мальчик». В самом начале этого сборника и размещается предисловие автора.

И все же это путешествие было незаурядным событием. Не стоит забывать, что в те времена не было пассажирской авиации, так что нам приходилось тратить четверо полных суток на дорогу туда и еще столько же на обратный путь.

И путешествовали мы всегда огромной толпой. Три родных моих сестры плюс моя взрослая сводная сестра (уже четверо), и сводный брат со мной (шестеро), и мать (семь), и няня (восемь), и вдобавок обычно еще минимум две подружки моей сводной сестры (итого — десять человек).

Оглядываясь сегодня назад, я не могу понять, как моя мать справлялась со всем этим?! Все эти заказы железнодорожных билетов и билетов на пароход, и мест в гостинице — надо было разослать письма и дожидаться, пока по почте придет ответ. Она должна была убедиться, что на всех хватит шортов, и рубашек, и свитеров, и тапочек, и купальных костюмов (на острове, на который мы собирались, даже ботиночного шнурка не купишь) — сборы в дорогу, должно быть, превращались в кошмар. Тщательно упаковывались шесть огромных дорожных сундуков и бесчисленное количество чемоданов, и когда наступал день великого отбытия, мы вдесятером, вместе с горой багажа, делали первый и самый легкий шаг в нашем путешествии, усаживаясь на поезд до Лондона.

По прибытии в Лондон мы набивались в три автомобиля и тряслись в этих такси до вокзала Кингз-Кросс, где садились на поезд до Ньюкасла, и ехали триста километров на север. На дорогу до Ньюкасла уходило около пяти часов, а когда мы добирались до места, нам опять нужны были три такси, чтобы доехать до портового причала, где нас ожидал пароход. После этого следующая остановка была в Осло, столице Норвегии.

Во времена моей юности столица Норвегии не называлась Осло. Она называлась Христиания. Но потом норвежцы решились расстаться с этим красивым названием и стали называть свою столицу Осло. Детьми мы всегда точно знали, что это — Христиания, но если я буду так называть этот город, мы можем запутаться, так что уж лучше я стану писать «Осло».

Морское путешествие из Ньюкасла в Осло занимало два дня и одну ночь, и если море было беспокойным — а так часто бывало, — то все мы мучились морской болезнью, за исключением нашей неустрашимой матери. Мы обычно лежали в шезлонгах на прогулочной палубе, поближе к поручням, напоминая обмотанные тряпьем мумии с бескровными лицами и судорожно сокращающимися желудками, и отказывались от горячего супа и всякой корабельной выпечки, то и дело предлагавшихся услужливым стюардом. Что же до бедной нянюшки, то она заболела сразу же, только ступив на палубу.

— Как же я это все ненавижу! — обычно говаривала она. — Да и доберемся ли мы туда? По-моему, никогда! Потонет она, штука эта, и шлюпок никаких для нас не будет, и не спасемся никак. — После этого она предпочитала удаляться в свою каюту, чтобы причитать и трепетать и не выходить оттуда до тех пор, пока корабль не окажется в гавани Осло надежно причаленным к набережной.

Мы всегда задерживались на ночь в Осло, так что появлялась возможность очередного ежегодного великого воссоединения семейства, то есть встречи с

бабушкой и дедушкой, родителями нашей матери, и ее двумя незамужними сестрами (нашими тетками), жившими в том же доме.

Сойдя с корабля, все мы ехали в нескольких такси в «Гранд-отель», чтобы переночевать и оставить багаж. Потом такси доставляли нас в дом наших дедушки и бабушки, где нас ожидал весьма трогательный прием. Всех нас многократно обнимали и целовали, и слезы ручьем струились по морщинистым щекам, и внезапно тихий скучноватый дом оживал, наполняясь голосами множества детей.

Еще тогда, когда я впервые увидел ее, бабушка выглядела ужасно древней. Она была как белоголовая старая птичка со сморщенным личиком, которая, казалось, всегда сидит в своем кресле-качалке, раскачиваясь и благосклонно взирая на этот бурный прилив своих внуков, добравшихся до нее много-много километров, чтобы захватить на несколько часов ее дом, как это происходило каждый год.

И дедушка был тихий-тихий, и тоже небольшого роста. Он был крошечным почтенным ученым мужем, с белой козлиной бородой, и, насколько я помню, он был астролог, метеоролог и умел говорить по-древнегречески. Как и бабушка, большую часть времени он тихо сидел в кресле, мало говорил и был совершенно подавлен зрелищем налетевшего наглого сброда, разрушающего его опрятный и чистый дом.

Еще две вещи я помню про дедушку: он носил черные туфли и курил необычную трубку. Чаша трубки была сделана из морской пенки, и у нее был гибкий чубук примерно в метр длиной, так что, когда мундштук трубки был у него во рту, чаша покоилась у него на коленях.

Все взрослые, включая няню, и все дети, даже если самому маленькому от роду был всего годик, рассаживались — ради великого ежегодного торжественного празднования — за большим овальным столом в столовой, вместе с бабушкой и дедушкой, и еда, которую нам давали, всегда была одной и той же — рыба. И только свежая рыба, то есть такая, которую поймали не раньше, чем за двадцать четыре часа до еды и которую никогда не замораживали. Самое правильное, что можно сделать с такой рыбой, — это отваривать ее на пару, и именно так там поступали с рыбой самых ценных пород. И норвежцы, кстати, всегда съедают кожу вареной рыбы, которая, по их словам, вкуснее всего.

Так что этот великий торжественный праздник, естественно, начинался с рыбы. Могучая рыбина, камбала или другая плоская рыба, размером с большой чайный поднос и толщиной с руку взрослого человека ставилась на стол. У нее была почти черная кожа наверху, испещренная блестящими оранжевыми пятнышками, и она, разумеется, была превосходно отварена. Из нее вырезали огромные белые ломти, которые раскладывали по тарелкам, и к ней подавали голландский соус и отварную молодую картошку. И больше ничего. И, ей-богу, это была настоящая роскошь.

Как только остатки рыбы убирались прочь, вносили огромную крутую гору домашнего мороженого. Не говоря уже о том, что это было самое сливочное мороженое из всех сливочных мороженых на свете, еще и аромат оно издавало незабываемый. Оно было утыкано тысячами крошек хрустящих обжаренных

крокетов из мелассы; и оно не просто таяло во рту, как всякое мороженое, — его надо было жевать, и оно при этом потрескивало на зубах; а вкус был такой, что оно снилось во сне и являлось в мечтах даже долгое время спустя.

Это великое празднество прерывалось коротенькой приветственной речью дедушки, и взрослые поднимали бокалы с вином и говорили «сколь!» <...>

Волшебный остров

На следующее утро все поднимались очень рано и со страстным желанием продолжать путешествие. Предстоял еще один полный день дороги, чтобы добраться до нашего конечного пункта назначения — и по большей части морем. Так что после торопливо проглоченного завтрака наша группа покидала «Гранд-отель» в очередных трех таксомоторах и направлялась к порту Осло. Там мы погружались на пароходик, ходивший только близ берега, а от нянюшки слышали такое предсказание: «Он наверняка протекает! Все мы еще до вечера отправимся на корм рыбам!» После чего она спускалась вниз и пропадала из виду до конца поездки.

Нам очень нравился этот этап путешествия. Замечательное суденышко, из которого одиноко торчала высокая труба, двигалось по спокойным водам фьорда, перемещаясь в неспешном прогулочном темпе вдоль берега и останавливаясь чуть ли не каждый час, а то и чаще, у какого-нибудь дощатого причала, где его поджидало несколько человек, которые встречали прибывших в гости друзей или забирали посылки и почту.

До тех пор, пока вы сами не пропутешествуете по Осло-фьорду в тихий летний день, вы вряд ли сможете представить себе, на что это бывает похоже. Невозможно описать чувство совершеннейшего мира и покоя и полнейшую красоту вокруг. Кораблик снует туда и сюда, словно по вьющейся между крошечными островками тропинке, на некоторых островках виднеются пестрые, окрашенные яркими красками деревянные домики, но на других не видно не то что дома, но даже дерева.

Эти гранитные скалы такие гладкие, что, если хочется позагорать, можешь смело ложиться прямо на камень, в одном купальном костюме, и даже полотенце подкладывать не обязательно. Мы видели немало длинноногих девушек и высоких юношей, поджаривавшихся на гранитных скалах этих островков.

Песчаных пляжей во всем фьорде нет совсем. Скалистые берега отвесно уходят в море, и около такого обрывистого берега сразу очень глубоко. В итоге норвежские дети непременно учатся плавать в очень нежном возрасте, потому что если не умеешь плавать, то вряд ли отыщешь место, где можно искупаться.

Иногда, когда наше суденышко протискивалось между двумя островками, пролив бывал настолько узок, что, казалось, можно дотянуться сразу до обоих скалистых берегов. Мы проплывали мимо лодок и челнов, в которых сидели дети с льняными волосами и кожей, коричневой от солнца, и им можно было махать руками и глядеть, как их утлые посудинки вдруг начинают кувыркаться, попадая на волну, поднятую нашим большим кораблем.

Позже, ближе к вечеру, мы наконец достигали цели всего путешествия — острова Хьёме. Именно туда всегда привозила нас мать. Одному небу ведомо, как она на этот остров набрела, но для нас самое лучшее место на всей земле было тут. Метрах в двухстах от пристани возле узкой пыльной дороги стояла простенькая гостиница — деревянный дом, выкрашенный белой краской. Хозяйничала там престарелая пара, и я до сих пор живо помню лица обоих; и каждый год они встречали нас как старых друзей.

Все в этой гостинице было устроено проще некуда, за исключением столовой. Стены, потолки и полы наших спален были сделаны из струганых и даже не покрытых лаком сосновых досок. Имелся умывальник и к нему кувшин холодной воды. <...>

Лучше всего кормили в гостинице за завтраком, и весь этот завтрак выставлялся на огромном столе посреди столовой, и надо было подходить к этому столу и самому выбирать, что тебе по вкусу. На столе было, наверное, пятьдесят разных блюд. Еще стояли большие кувшины с молоком, которое норвежские дети пьют всякий раз, когда садятся за стол. Стояли тарелки с холодной говядиной, телятиной и свининой. Предлагалось заливное из холодной скумбрии. И еще филе селетки с пряностями и под маринадом, сардины, копченые угри и икра трески. Стояла огромная бадья, с верхом наполненная горячими вареными яйцами. Были холодные омлеты с рубленой ветчиной, и холодная курица, и горячие хрустящие, только что испеченные рогалики, которые мы ели с маслом и клюквенным вареньем. Еще подавали вяленую курагу и компот из урюка и пять или шесть разных сыров, в том числе, разумеется, вездесущий йетуст, тот самый очень рыжий и немного сладковатый норвежский козий сыр, который увидишь на каждом столе в этой стране.

После завтрака мы брали купальные принадлежности и всей толпой, вдесятером, запикивались в нашу лодку.

В Норвегии у каждого есть хоть какая-нибудь лодка. Никто там не рассиживается в саду перед гостиницей. И на пляже никто не сидит, потому что просто нету пляжей, чтобы там сидеть. Поначалу у нас была только лодка с веслами, но какая же она была замечательная. Все мы в ней прекрасно помещались, да еще имелись места для пары гребцов. Моя мать бралась за одну пару весел, мой уже взрослый сводный брат — за другую, и мы отваливали от берега.

Мать и сводный брат (ему тогда было около восемнадцати) грести умели мастерски. Они точно выдерживали темп, и только весла постукивали *клик-клак, клик-клак* в уключинах, причем гребцы не позволяли себе ни единой передышки по ходу долгого, сорокаминутного плавания. А мы, то есть все прочие, просто сидели в лодке, окуная пальцы в чистую прозрачную воду и высматривая медуз. Мы со свистом пролетали через узенькие проливчики, по обоим берегам которых были только скалы, и всегда держали путь к очень потаенной крошечной песчаной заплате, наложенной на далекий островок, — про это место знали только мы. А нам тогда нужно было как раз такое местечко, чтобы поплескаться и поиграть, потому что самой маленькой моей сестренке тогда исполнился только годик, той, что постарше — три года, а мне — четыре. Скалы и глубокая вода нам негодились.

Каждый день, несколько летних сезонов подряд, этот крошечный песчаный пляж на крошечном тайном острове служил нам постоянным пунктом назначения. Мы проводили там по три-четыре часа, копошась в воде и в скалистых лагунах и загорая.

Позднее, несколько лет спустя, когда мы слегка подросли и научились плавать, ежедневное расписание переменилось. К тому времени мать разжилась моторкой, маленькой и не очень пригодной для открытого моря белой дощатой посудинкой, которая слишком глубоко уходила в воду, то есть отличалась слишком низкой осадкой, и двигалась благодаря ненадежному одноцилиндровому мотору. Единственным человеком, способным справиться с этим двигателем, был мой сводный брат. Завести движок было немыслимо трудно, и брату всегда приходилось выворачивать свечу и заливать в цилиндр солярку. Потом он раскручивал маховик, и, если немножко везло, вдоволь покашляв и побряхтев, прочихавшаяся штуковина в конце концов начинала работать.

Когда у нас впервые появилась моторная лодка, моей младшей сестренке было четыре года, а мне семь, и все мы уже научились плавать. Теперь мы могли забираться много дальше, и каждый новый день выискивать новый островок. Во фьорде они исчислялись тысячами, так что было из чего выбирать. Попадались совсем крошечные, в длину метров тридцать, а то и меньше. Другие вытягивались метров на восемьсот. Замечательно, когда есть такой выбор, и было ужасно весело обследовать каждый островок, прежде чем отправиться дальше. Мы натыкались на деревянные остовы разбитых лодок, на некоторых островах находили большие белые кости и дикую малину, и прилепившихся к скалистым берегам мидий, а на некоторых островах паслись косматые козлы с длинной шерстью и даже овцы.

Иногда море становилось вдруг очень суровым, и именно это мать обожала более всего. Никому, даже маленьким детям, не приходило в голову хоть как-то беспокоиться насчет собственной жизни; мы вцеплялись в борта нашей углой белой моторки, пробивались через гороподобные волны и промокали до костей, пока мать хладнокровно орудовала румпелем. Подчас волна была такой высокой, что, когда мы скатывались по ней вниз, весь мир пропадал из виду. Потом опять и опять наша лодка взбиралась вверх по почти отвесной круче, и тогда мы оказывались как будто на вершине взмыленной горы. Требовалась недюжинная ловкость, чтобы управлять маленькой лодкой в таких морях. Ее запросто могло накрыть с головой или же затопить, стоило только ее носу ткнуться в огромный вздыбленный бурун не под прямым углом, а чуть наискосок. Но моя мать в точности знала, что делать и как, и нам никогда не было страшно, мы обожали каждую минуту такого приключения. Все, кроме нашей многострадальной няни, которая только прятала лицо в ладони и в голос взывала к Господу, умоляя Его спасти ее душу.

Под вечер, когда начинало смеркаться, мы почти всегда отправлялись на рыбалку. Собирали медуз на скалах, для наживки, а потом садились либо в весельную лодку, либо в моторку, и уходили в море, чтобы встать на якорь в каком-нибудь приглянувшемся местечке. Повсюду было очень глубоко, и иногда нам приходилось отматывать метров шестьдесят каната, пока, наконец, якорь не упирался в дно. Мы сидели, притихшие и напряженные, и дожидались, пока клонет,

и меня всегда изумляло, что даже мельчайшее подрагивание такой длинной лески непременно отдается в пальцах всякого, кто за нее держится.

«Клюет! — кричал кто-либо и дергал удилище. — Поймал! А здоровенная какая! Громадина!» И потом дрожь и волнение, и вытягивание лески пядь за пядью, и заглядывание за борт, и вглядывание в прозрачную чистую воду, и старание увидеть, насколько в самом деле велика рыба, в тот момент, когда она окажется у самой поверхности воды. Треска, мерлан, пикша, скумбрия, мы всякую рыбу ловили, ничем не пренебрегали, и с победоносным торжеством волокли свою добычу на кухню гостиницы, где жизнерадостная толстуха, занимавшаяся стряпней, обещала приготовить эту рыбу нам на ужин.

Да, друзья мои, скажу вам, то были дни!

Александр Кожейкин

Земляничные поля

Земляничные поля...
Детства призрачные дали.
Дно истоптанных сандалий
грела тёплая земля.

Земляничные поля...
Жизнь была необозрима,
облака летели мимо
парусами корабля.

Земляничные поля...
Пляшут солнечные блики
по лицу, а земляники
столько, что глаза горят...

Земляничные поля...
Понял я, что за границей
нет таких цветов, и птицы
по-другому говорят.

Земляничные поля...
Аромат, достигший сердца...
приоткрою в детство дверцу —
обращу туда свой взгляд.

Земляничные поля...
Я приду для разговора,

упаду в кровать простора.
Но нельзя начать с нуля...

Земляничные поля...
Я покой ваш не нарушил,
но свою очистить душу
сны и призраки велят.

Земляничные поля!
Я ловлю себя на слове!
На рубашке пятна крови –
я себя здесь расстрелял.

Творческое задание.

В романе Вениамина Каверина «Два капитана» Катя Татарина, впервые увидев Ромашова, говорит, что «он похож на Урию Гипа», одного из героев романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд». Саня Григорьев не понимает, о чём говорит Катя, и девушка упрекает его: «Эх ты, Диккенса не читал... А ещё считаешься развитым». В течение вечера в школе Катя ещё раз возвращается к этой мысли. Она пишет Сане ироничную записку «Григорьев – яркая индивидуальность, а Диккенса не читал».

В рамках творческого задания олимпиады поразмышляйте над следующими вопросами: «Какой читательский выбор сделали бы вы сами? Какая книга (произведение), на ваш взгляд, отражает вашу индивидуальность в наибольшей степени? Какая книга (произведение) вам по-настоящему интересна?».

Постройте и запишите своё размышление в форме **выступления в дискуссии со своими ровесниками**.

Не забудьте аргументировать свою позицию, привести конкретные примеры (явления, факты, ситуации и пр.), выявить или обозначить по возможности литературные или иные параллели. Обратите внимание, что речь должна идти об **ОДНОЙ** книге (или об **ОДНОМ** произведении).